

Свобода: правила пользования и побочные эффекты

О книге Исайи Берлина «Четыре эссе о свободе»

Обложка книги «Четыре эссе о свободе»

12:37, 20 апреля 2024,

Виктория Артемьева

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Одна из самых заметных тенденций последнего времени — упрощение лозунгов. Закон «свошного» времени требует простоты и наглядности: на доске черные и белые фигуры, одни выступают за «православие», самодержавие и народность, вторые, как всегда, — за вашу и нашу свободу. Простота эта нормальна — лозунг и не может быть сложным, и все-таки иногда стоит напоминать себе о том, что значит каждое из слов девиза, под которым разворачивается борьба. Что значит противоположный девиз, все помнят даже слишком хорошо — поскольку всем слишком часто это напоминают. А вот что значит наш лозунг — и что такое свобода вообще — вспоминается редко.

Поэтому сегодня в рубрике «Читали, знаем» предлагаю поговорить о свободе: о ее значении, о ее предназначении и о том, какие могут возникнуть проблемы, если она в этой шахматной партии все-таки победит. Говорить мы об этом будем, перечитывая книгу Исая Берлина «Четыре эссе о свободе».

Исайя Берлин — один из основоположников современного либерализма. Традиция размышлений о свободе начинается, конечно, не с него, но нам сегодняшним он ближе и важнее других по двум причинам:

- во-первых, хронологически (Берлин умер в 1997 году),
- а во-вторых, тем, что был России близок: родился в Российской империи, всю жизнь поддерживал связь с российской культурой, много о ней писал и даже посвятил книгу истории развития идеи свободы в нашей стране.

Наверное, самая известная работа Берлина, вошедшая и в перечитываемый нами сегодня сборник, — сначала лекция, потом эссе под названием «Две концепции свободы» (1958 г.). В этом эссе он формулирует то, что впоследствии стало более-

менее общим местом для понимания свободы в целом: разницу между «свободой от» и «свободой для».

- **Первый вид — негативная свобода, то есть возможность делать что-то в определенных границах, не будучи за это наказанным, без препятствий со стороны других людей.** Иначе говоря, это свобода, которую можно выразить через отрицание: я не раб. В мою жизнь не вмешивается государство, никто не покушается на мое личное пространство — и множество подобных полезных «не».
- **Второй тип свободы — это свобода позитивная: возможность действовать по собственной воле и наличие всех необходимых для этого условий.** Выражается она через утверждение: я хозяин. Я имею право и возможность добиваться своих целей, у меня равные со всеми права и доступ к ресурсам, я сам могу решать, ради чего и как жить и т.п.

Исайя Берлин. Фото: Википедия

И в том и в другом случае свобода, по выражению Берлина, является «не столько действием, сколько возможностью действия». Кажется бы, обе концепции выглядят вполне мирно и многообещающе. Но проблемы начинаются именно тогда, когда мы начинаем смотреть и на них, и на понятие свободы в целом как на абстрактный и ничем не запятнанный идеал, которого главное достичь, а дальше все сложится само собой. Дело в том, что главный побочный эффект такого взгляда — превращение свободы в диктатуру. Как выясняется при чтении эссе Исайи Берлина, механизм этого превращения довольно простой.

Первая, негативная, свобода переходит в несвободу так: допустим, говорит Берлин, за вами гонится какой-то противник. Вы убегаете от него, потому что пытаетесь сохранить свою свободу — ваша свобода равна отсутствию врага, равна вашей

автономности. Но вот он, гонясь за вами, перепрыгивает через ваш забор, врывается в ваш дом, ломится в вашу запертую комнату и явно скоро выломает дверь. Что дальше? По логике, чтобы сохранить свою автономность, у вас есть только один выход — самоубийство. Как мы понимаем, такой выход устроит не всех. В этом заключается проблема «свободы от противного», свободы внутри ограничителей — границы ее могут сузиться до минимума, и свобода превратится в порабощенность.

Если перенести все это с уровня притчи на уровень политики, мораль, я думаю, будет довольно очевидна:

попытка сохранить автономность от ломящегося к тебе в дом государства, просто отступая все дальше и позволяя ему захватывать все больше, — это путь тупиковый. В борьбе за свободу эскапизм — инструмент нерабочий.

В случае позитивной свободы возможные побочные эффекты менее очевидны — но еще более серьезны. Как нетрудно догадаться, равный доступ к ресурсам, равные права и прочие голубые мечты всех борцов за свободу могут реализоваться только одним способом: у кого-то — одного человека или группы людей — должен быть доступ и к ресурсам, и к возможностям их распределять. То есть в руках одного или группы должна быть сосредоточена довольно большая власть. При этом — чтобы всеобщее равенство могло существовать — каждый человек в отдельности должен жить интересами общества, а не только и не столько своими собственными. Чем грозит стране и сосредоточенность власти в руках одного, и пропаганда «народности», мы уже хорошо знаем. Так

происходит метаморфоза позитивной свободы: за несколько ходов в шахматной партии всеобщее равенство опять превращается в победу авторитаризма или диктатуры; то, что вышло из безграничной свободы, заканчивается безграничным деспотизмом. Поэтому единственный способ предотвратить превращение свободы в несвободу здесь — не давать власти сосредотачиваться в одних руках.

Но главная проблема свободы — по крайней мере, для нас сегодняшних — заключается даже не в перечисленных опасностях. Все перечисленные превращения свободы в несвободу происходят из-за манипуляций «сверху» — и к ним мы за все годы вялотекущего тоталитаризма уже, кажется, привыкли. Главная проблема заключается в том, что само общество может быть не готово жить по законам свободы.

Фото: Бизнес Online / ТАСС

Опасения насчет возможной неготовности к свободе звучат в

России тоже давно и уже успели сильно надоест (вы сначала дайте наконец пожить в этой свободе, а потом станет понятно, готовы мы к ней или нет). И тем не менее имеет смысл еще раз вспомнить о том, с чем придется бороться, когда возможность построить прекрасную Россию все же представится — и к чему нужно готовиться уже сейчас.

Ну, например: думаю, многие знакомы с поговоркой «Свобода для щук есть несвобода для пескарей». Естественно, в человеческом обществе невозможно создать условия, где свобода каждого не была бы ничем ограничена — она неизбежно будет пересекать и наслаиваться на пространство свободы окружающих. Чтобы этого не происходило, пишет Берлин, должны существовать, условно, буферные зоны, нейтральные полосы — сферы жизни, в которые государство и общественные институты не должны вмешиваться ни при каких условиях. Интересно, что по Берлину — в свободном обществе такие нейтральные полосы образуются и сами собой: между спорящими и конкурирующими обществами, институтами, регионами образуются пространства, условно, ничьих интересов. Государство в этом случае играет роль второго плана: оно должно быть «ночным сторожем», следящим, все ли соблюдают порядок во вверенном ему саду и никто ли не таскает соседские груши. При этом само общество должно быть достаточно взрослым для того, чтобы не пересекать заповедных границ окружающих. От того, насколько доступна нам эта степень взрослости, зависит и наша возможность жить в свободной стране.

Вторая трудность свободы, с которой все началось и к которой возвращение может оказаться неизбежным, — это ее нестабильность. Свободу нельзя спланировать, нельзя полностью предсказать все ее последствия, а главное — нельзя полностью взять ее под контроль (иначе см. выше).

Свободное общество — это общество, находящее в постоянном движении, живущее в постоянно меняющихся условиях.

ЦИТАТА

«Прогресс техники делает планирование разумным и действительно необходимым, а стремление к успеху данного, основанного на планировании, общества естественно заставляет планировщиков искать заслона от опасных, поскольку они не поддаются расчету, сил, которые могут нарушить план. Все это является мощным стимулом для «автаркии», «построения социализма в одной отдельно взятой стране», неважно, выдвигаются ли эти идеи консерваторами, сторонниками «Нового Курса», изоляционистами, социал-демократами или даже империалистами. А они, в свою очередь, порождают искусственные препятствия и накладывают все большие ограничения на возможности самих планировщиков. В крайних случаях политика эта ведет к репрессиям против недовольных и постоянному укреплению дисциплины, пока она не поглощает все больше и больше времени и сил у тех, кто первоначально считал ее лишь средством для минимальной эффективности.

Теперь она становится чудовищной самоцелью, поскольку ее осуществление ведет к порочному кругу репрессий ради выживания — и выживания, главным образом, ради репрессий. Дилемма эта логически неразрешима: мы не можем пожертвовать ни свободой,

ни организацией, необходимой для ее защиты, ни минимальным уровнем благосостояния. Поэтому выход лежит в каком-то не поддающемся строгому логическому определению, гибком и даже двусмысленном компромиссе».

С учетом того, как долго и как тщательно наше общество держалось за идею стабильности, свобода и здесь устроит далеко не всех. Правда, с учетом того, как давно все живут, не представляя, что будет завтра, переход может даваться значительно легче. В любом случае очевидно одно: если мы хотим свободы, мы должны быть готовы к нестабильности — и менее опасных путей нет.

Есть и еще одна трудность, связанная с обретением свободы, которую описывает Берлин, — на мой взгляд, самая опасная. Он пишет о том, что после главной победы над несвободой бывшие яростные борцы имеют тенденцию становиться ленивее. Пыл спадает, внимание к несправедливости слабнет, и вместо того чтобы продолжать сообща строить свободное общество, союзники начинают грызться из-за мелких мировоззренческих разногласий. С учетом того, что похожее мы периодически наблюдаем и без всякой победы либерализма, предостережение Берлина звучит злободневно. При этом если и существует самый эффективный способ превратить свободу в ее полную противоположность, то внутреннее разделение и преждевременное спокойствие — это именно он и есть. И поэтому

главное, к чему нужно подготовиться тем, кто мечтает добиться свободы, — это долгая и

последовательная работа без ожидания побед.

Фото: Бизнес Online / ТАСС

Кто-то скажет, что все эти рассуждения преждевременны. Кто-то скажет, что бесполезны, особенно в тех условиях, в которых мы живем сейчас и проживем еще неизвестно сколько. Но дело в том, что такие вопросы — о свободе и о том, как вести себя в прекрасном будущем, — обязаны звучать именно сейчас. Не для того даже, чтобы мы нашли на них ответы, а просто для того, чтобы задали. Потому что, как писал Исайя Берлин в одном из эссе сборника, цель любой диктатуры в том, чтобы эти вопросы вообще перестали звучать:

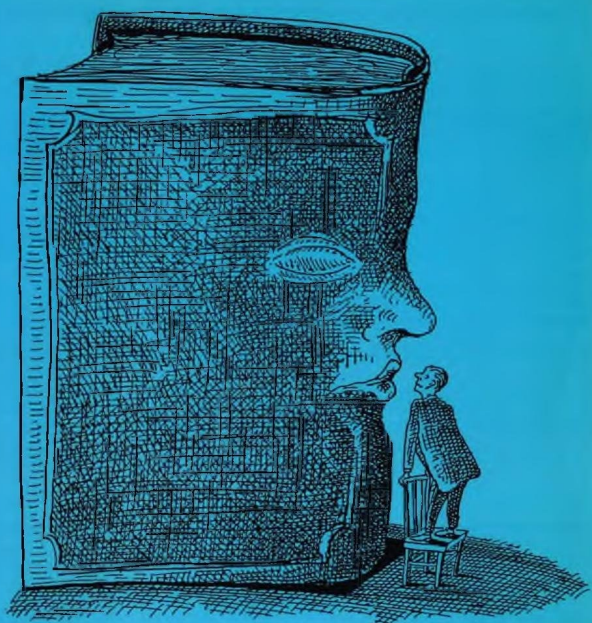
ЦИТАТА

«Для этих режимов характерно то, что повергло бы в ужас любого уважающего науку мыслителя девятнадцатого века — подготовка людей, неспособных тревожиться из-за вопросов, само обсуждение которых, если таковое начинается, подвергает опасности стабильность системы; разработка и создание крепчайшего каркаса институтов, «мифов», привычного образа мысли и действия, предназначенного для предотвращения в этой системе внезапных потрясений или медленного развала. Рассудочное мировоззрение, ставшее основой тоталитарных идеологий, это такое состояние ума, при котором тревожные вопросы приобретают форму умственного отклонения, губельного для психического здоровья людей, а при их слишком широком обсуждении — и для благоденствия общества».

Разговоры о свободе в условиях несвободы нужны просто для того, чтобы эту тему актуализировать — раз планируем будущее, значит, есть надежда, если мечтаем, значит, не имеем предмета мечтаний сейчас. Потому что, как писал все тот же Берлин в том же сборнике и как, мне кажется, формулируется главный и самый надежный лозунг борьбы за свободу:

«Триумф деспотизма — заставить рабов провозгласить, что они свободны».

Исайя Берлин

**ЧЕТЫРЕ ЭССЕ
О СВОБОДЕ**

Обложка книги «Четыре эссе о свободе»

ЦИТАТА:

Основное значение слова «свобода» — это свобода от цепей, от тюрьмы, от порабощения другими. Все остальные значения этого слова расширяют первоначальное, являются метафорическими. Стремиться к свободе — значит стараться убрать препятствия; бороться за свободу личности — значит стараться сдержать чужое вмешательство, предотвратить эксплуатацию, порабощение себя другими людьми, преследующими свои собственные, а не ваши цели. Свобода, по крайней мере, в

политическом смысле, синонимична отсутствию принуждения или господства. Однако свобода не единственная ценность, которая может и должна определять поведение. Да и вообще, говорить о свободе как о цели — чересчур общо. Мне хотелось бы еще раз сказать своим критикам, что речь идет не о противоречии между негативной свободой как абсолютной ценностью и другими ценностями более низкого порядка.

Перед нами более сложная проблема. Одна свобода может ущемлять другую; одна свобода может препятствовать другим либо мешать созданию таких условий, при которых возможны другие свободы, или более полная степень свободы, или свобода для большего числа людей; позитивная и негативная свобода могут приходиться в столкновение; свобода данной личности или группы может оказаться не вполне совместимой с полным участием в жизни общества, с его требованиями сотрудничества, солидарности, братства. Но выше всех этих соображений стоит еще более острый вопрос — необходимо удовлетворить требованиям других, не менее важных идеалов: справедливости, счастья, любви, реализации способностей создавать новое, открывать истину.

Ничто не достигается за счет отождествления собственно свободы, в любом из ее значений, с этими ценностями или же с условиями свободы, или за счет смешения типов свободы между собою.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[И корабль плывет](#)

О книге «Тщетность, или Гибель «Титана» и о том, что делать, чтобы шлюпок наконец стало хватать на всех

17:56, 25 марта 2024, Виктория Артемьева